

Научная статья / Research Article

УДК 903.5(571.513)

[https://doi.org/10.14258/tpai\(2025\)37\(1\).-08](https://doi.org/10.14258/tpai(2025)37(1).-08)

EDN: DIAZIP

РОГОВЫЕ ПРЕДМЕТЫ ИЗ ТАШТЫКСКОГО ПОГРЕБАЛЬНО-ПОМИНАЛЬНОГО КОМПЛЕКСА БЕЛЫЙ ЯР-3 В АЛТАЙСКОМ РАЙОНЕ РЕСПУБЛИКИ ХАКАСИЯ

Иван Сергеевич Половников^{1*}, Александр Иванович Поселянин²

¹Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Россия;

Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия;

polis.sib@gmail.com, https://orcid.org/0000-0002-2654-9283

²Хакасский государственный университет, Абакан, Россия;

apograv@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0001-9746-9291

*Автор, ответственный за переписку

Резюме. В статье представлены результаты анализа четырех изделий из цельного рога, обнаруженных отрядом Хакасского государственного университета при раскопках таштыкского погребально-поминального комплекса Белый Яр-3. Для этих находок характерно высокохудожественное исполнение резьбы по рогу. Другим аспектом, позволяющим говорить об уникальности предметов, следует считать контекст их обнаружения. Во-первых, данные предметы зафиксированы в неподтверждённом археологическом комплексе, исследованном полностью, что служит важным источником в изучении таштыкской культуры. Во-вторых, речь идет об объектах мемориального назначения — поминах, материал которых до настоящего времени в научной литературе освещен недостаточно. В статье дается также краткое описание истории изучения данного типа памятников, вопрос о котором актуален в таштыкской проблематике.

Ключевые слова: Республика Хакасия, Алтайский р-н, погребально-поминальный комплекс Белый-Яр-3, таштыкская культура, косторезное производство, рог, обработка металлическим инструментом

Благодарности: исследование проведено в рамках проекта НИР FWZG-2025-0005 «Природные условия обитания древнего человека в четвертичном периоде Евразии». Авторы благодарят канд. ист. наук О.А. Митько и д-ра. ист. наук П.В. Волкова за консультации при подготовке работы.

Для цитирования: Половников И.С., Поселянин А.И. Роговые предметы из таштыкского погребально-поминального комплекса Белый Яр-3 в Алтайском районе Республики Хакасия // Теория и практика археологических исследований. 2025. Т. 37, №1. С. 154–165. [https://doi.org/10.14258/tpai\(2025\)37\(1\).-08](https://doi.org/10.14258/tpai(2025)37(1).-08)

HORN OBJECTS FROM THE TASHTYK FUNERAL SITE 'BELY YAR-3' (THE ALTAISKY DISTRICT, THE REPUBLIC OF KHASIA)

Ivan S. Polovnikov^{1*}, Alexander I. Poselyanin²

¹Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS, Novosibirsk, Russia;

Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia;

polis.sib@gmail.com, https://orcid.org/0000-0002-2654-9283

²*Khakass State University, Abakan, Russia;*
apograv@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0001-9746-9291
*Corresponding Author

Abstract. The article presents the results of the analysis of four items made of antlers discovered by the archaeological team from Khakass State University during excavations of the Tashtyk funerary site 'Bely Yar-3'. A striking feature of these finds is the highly artistic execution of horn carving. Another aspect that allows us to talk about the uniqueness of the items is the context of their discovery. Firstly, these items were recorded in an undisturbed archaeological complex that was fully explored, which serves as an important source in the study of the Tashtyk culture. Secondly, we are talking about memorial objects — commemorations, the material of which has not been sufficiently covered in the scientific literature up to date. The article also provides a brief description of the history of the study of this type of monuments, the issue of which is relevant in the Tashtyk problematic. However, the complexity of interpreting these objects complicates the understanding of the functional use of the objects under study.

Keywords: Republic of Khakassia, Altaysky district, funerary site 'Bely-Yar-3', Tashtyk culture, bone carving production, horn, processing with a metal tool

Acknowledgments: the project of the scientific and research institute of the IAET SB RAS №FWZG-2025-0005 "Natural Habitat Conditions of Ancient Man in the Quaternary Period of Eurasia". The authors thank Candidate of Historical Sciences O.A. Mitko and Doctor of Historical Sciences P.V. Volkov for consultations during the preparation of this work.

For citation: Polovnikov I.S., Poselainin A.I. Horn Objects from the Funeral Site 'Bely Yar-3' (the Altaysky District, the Republic of Khakasia). *Teoriya i praktika arheologicheskikh issledovanij = Theory and Practice of Archaeological Research.* 2025;37(1):154–165. (In Russ.). [https://doi.org/10.14258/tpai\(2025\)37\(1\).-08](https://doi.org/10.14258/tpai(2025)37(1).-08)

B_{введение}

В ходе изучения погребально-поминальных памятников таштыкской культуры на территории Минусинских котловин у большинства исследователей не сформировалось четкого понимания объектов, известных в научной литературе под термином «поминальник». Э.Б. Вадецкая выделила каменные стелы на краю грунтовых могильников в отдельный вид памятников, назвав их «поминальными камнями таштыкских могильников» (Вадецкая, 1971, с. 33–36). М.П. Грязнов в структуру поминального объекта включал вертикально поставленный камень и размещенную к северо-востоку перед ним ямку либо различные их варианты (Грязнов, 1979, с. 141). К настоящему времени под поминами принято понимать небольшие ямы подпрямоугольной или овальной формы размерами от 1,5 до 2,5 м, перекрытыми бревнами и берестой, глубиной приблизительно 0,5–1 м, дно могло застилаться берестой. В состав жертвенного сопровождения входила жидккая пища в сосудах и часть мясной пищи (овца, корова). Подобные объекты располагались преимущественно с восточной или южной сторон от таштыкских склепов. По определению их хронологии и функциональному назначению в научной литературе сложились различные точки зрения.

С.В. Киселев выделял в таштыкской культуре «переходный тип погребений» и датировал его докудыргинским временем. Л.А. Евтюхова, развивая данный подход, предложила обозначить «переходную стадию» памятников от таштыкской эпохи к последующей (эпохе чаатас) (Киселев, 1951, с. 468–472). Позднее Л.Р. Кызласов предложил именовать позднеташтыкский этап камешковским и датировал его IV–V вв. н.э. (Кызласов, 1960).

М.П. Грязнов, опираясь на материалы могильников у горы Тепсей, выделил таштыкские поминальники около склепов в отдельный тип археологических памятников (Грязнов, 1979, с. 128–142). Э.Б. Вадецкая, опираясь на идею М.П. Грязнова о поминальной функции рассматриваемых объектов и проанализировав материалы всех раскопанных памятников таштыкской культуры, пришла к выводу, что выделенные С.В. Киселевым «переходные могилы» и Л.Р. Кызласовым могилы «камешковского этапа» относятся к «жертвенно-поминальным комплексам», которые характерны для всех этапов существования таштыкской культуры (Вадецкая, 1986, с. 130).

С.В. Панкова продолжила исследования в этом направлении, по ее мнению, типологические различия этих объектов могут быть связаны с локальными вариантами развития культуры. При трактовке «камешковских» памятников (как погребения или как поминальные) она заметила, что «обнаруженная в них керамика никак не подтверждает их переходный характер, в то же время высока вероятность того, что „камешковские“ выкладки сооружались на всем протяжении таштыкской культуры» (Панкова, 1996).

Наиболее полно на сегодняшний день изучены поминальные комплексы в таштыкской культуре на памятниках Белый Яр-3 и Быстрая-2 (раскопанные большими площадями) (Вадецкая, Поселянин, 2015; Поселянин, 2016). Одним из соавторов настоящей статьи была предложена характеристика основных признаков поминальных объектов, благодаря которой было выделено три принципа их планиграфической организации («рядная», «свободная» и «смешанная») (Поселянин, 2009, с. 168–174).

Отдельный взгляд на проблему сформулировал О.А. Митько. Опираясь на материалы могильника Маркелов Мыс-II (таштыкско-древнетюркского времени), он заметил, что состав меморативных и погребальных объектов таштыкской культуры «...не ограничивается рамками только могил, склепов и „традиционных поминов“». Также он отметил, что «характер „поминальных сооружений“ гораздо сложнее, а семантика намного глубже тех представлений, что сложились в современной научной литературе» (Митько, 2006, с. 168). На могильнике Маркелов Мыс-II был выполнен антропологический анализ таштыкских погребений и отмечены особенности обряда кремации под каменными выкладками (Митько, Николаева, 2016).

В то же время практически никто не обращал внимания на немногочисленные, но яркие предметы из кости и рога, обнаруженные в поминальных объектах. Данная работа посвящена морфологическому и технологическому анализу роговых ложечек из поминов таштыкского погребально-поминального комплекса Белый Яр-3.

Материалы исследования и методы

Погребально-поминальный комплекс Белый Яр-3 расположен на юге Минусинской котловины в Алтайском районе Республики Хакасия, на вершине степного увала правого берега р. Абакан, в 4,3 км к юго-востоку от с. Белый Яр (рис. 1). Исследуемый памятник входил в Белоярский археологический микрорайон, состоящий из разных культурно-археологических эпох (XIII в. до н.э. — IX в. н.э.). Южную часть увала занимал могильник карасукской культуры (Белый Яр-5). Таштыкский (Белый Яр-3) и древнетюркский (Белый Яр-2) памятники находились в северной его части, на остальной территории фикси-

ровались разновременные курганы тагарской культуры (Белый Яр-1 и Белый Яр-4) (Вадецкая, Поселянин, 2015, рис. 1).

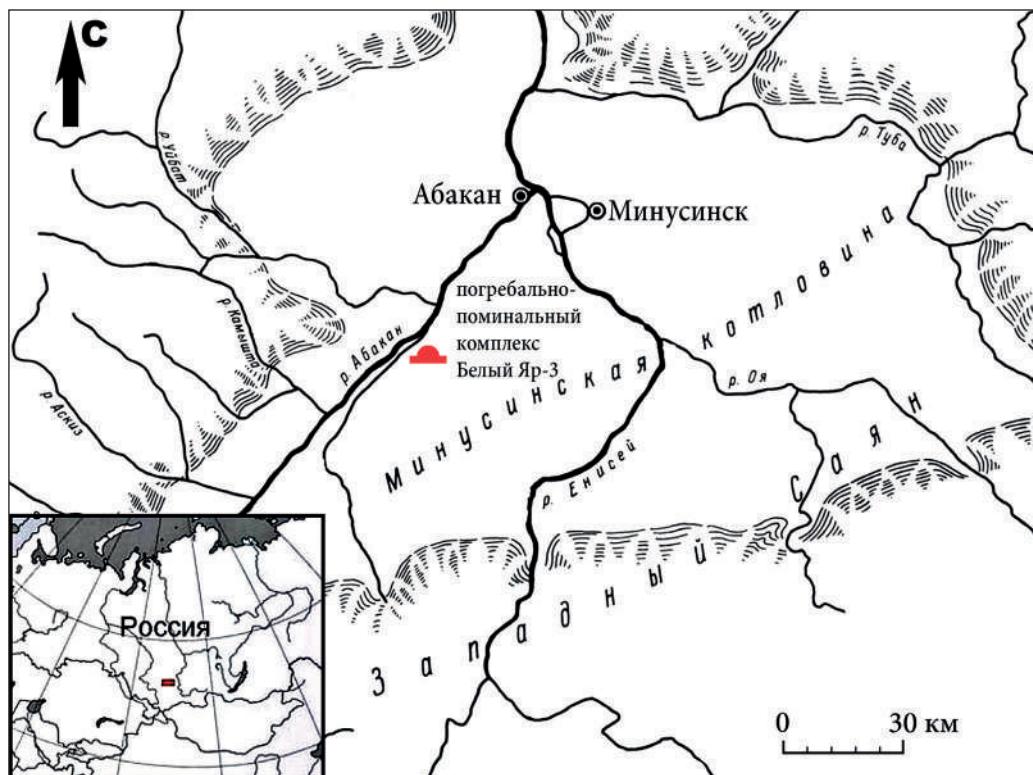

Рис. 1. Карта с месторасположением таштыкского погребально-поминального комплекса Белый Яр-3
Fig. 1. Map with the location of the 'Bely Yar-3' funerary site

Таштыкский комплекс состоял из трех частей: склеп, детское кладбище и площадка-поминальник. Склеп был расположен на месте кургана сарагашенского этапа тагарской культуры, он представлял собой коллективную усыпальницу со срубом, тыном, полатями и каменно-бревенчатым перекрытием. В погребальной камере на двух уровнях зафиксировано 73 кучки пепла. Обнаружены обломки около 50 гипсовых масок, остатки кукол-манекенов и сопроводительный инвентарь, включавший миниатюрные железные модели удил, бронзовые пряжки и амулеты с изображением парных голов лошадей. (Вадецкая, Поселянин, 2015, рис. 3, с. 4–8).

Детские грунтовые могилы были расположены вокруг склепа и относились как к тагарской (№1–8), так и таштыкской (№9–24) культурам, на площади поминальника выявлены еще две детские могилы (№25, 26). Таштыкские могилы были овальной и подпрямоугольной формы, перекрыты бревнами и жердями, а дно застлано плахами. Захоронены дети разного возраста: младенцы, дети 2–3 и 3–5 лет, подростки 6–7 и 8–9 лет. В могилы с младенцами клали по одному сосуду баночной формы, в могилы детей раннего воз-

раста — по два сосуда разного типа и куски баранины, в могилы подростков — 4–5 сосудов и части туши овцы. Для детей 5–6 лет сооружались срубики из тонких бревен (Вадецкая, Поселянин, 2015, с. 8–11).

Поминальник располагался с восточной и южной стороны от склепа, состоял из 152 объектов (ямок) — поминов. Все помины различаются размерами, составом жертвенной пищи и редко — сопроводительным инвентарем. Преобладали грунтовые ямы подпрямоугольной формы, преимущественно ориентированные по линии СВ–ЮЗ, в длину в среднем от 1,5 до 2,5 м. Перекрытие грунтовых ям состояло из тонких бревен или жердей, сверху покрытых кусками бересты или каменными плитками. В больших ямах покрытие опиралось на вертикально стоящие столбики, которые размещались в углах ямы.

В поминах были обнаружены керамические сосуды, бронзовое зеркало, косторезные предметы. Материалом для данного исследования послужили три ложечки и одна лопаточка из поминов 23, 86, 95, 113.

Ложечка с навершием в виде трезубца с двумя декоративно вырезанными проемами (помин №23). Данная ложечка была обнаружена в помине №23. Он представлял собой яму подпрямоугольной формы (0,75×1,4 м), ориентированную по линии 3–ЮЗ — В–СВ, на дне (у южной стенки) которой находилось четыре разрушенных баночных широкогорлых сосуда, посередине была зафиксирована ложечка (Вадецкая, Поселянин, 2015, с. 116, рис. 56, 3.-5). Изделие состоит из плоской овальной лопасти с чуть приостренным окончанием, круглым в сечении черенком и подпрямоугольным навершием, которое выполнено в виде трезубца с двумя декоративно вырезанными в нем проемами. Общие размеры: 11,6×4,6 см; размеры лопасти 4×4,6 см; диаметр сечения ручки 0,5 см (рис. 2.-1) (Вадецкая, Поселянин, 2015, с. 109, рис. 49.-1).

Ложечка с навершием в виде ромба со сквозным отверстием (помин №95). Данная ложечка была обнаружена в помине №95, который представлял собой яму овальной формы (0,9×1 м), ориентированную по линии ЮЗ–СВ, на дне (у юго-восточной стенки) которой располагалось три баночных широкогорлых сосуда, а у северо-восточной стенки находилась ложечка (Вадецкая, Поселянин, 2015, с. 130, рис. 70.-5: 4). Изделие состоит из плоской овальной лопасти, которая выгнута вперед (возможно, из-за формы исходного сырья), круглого в сечении черенка и ромбовидного навершия с отверстием посередине. На навершии наблюдается небольшая вогнутость, которую можно объяснить как имитацию мастером выступов, имеющих сходство с выступами на ручках таштыкских котловидных сосудов (Кызласов, 1960, с. 80, рис. 28.-9–11). Общие размеры: 8,55×3,9 см; размеры лопасти 3×3,5 см; диаметр сечения ручки 0,5×0,4 см (рис. 2.-2) (Вадецкая, Поселянин, 2015, с. 109, рис. 49.-2).

Ложечка без навершия со сквозным отверстием на конце ручки (помин №113). Данная ложечка была обнаружена в помине №113. Объект представлял собой яму подпрямоугольной формы (1,2×1 м), ориентированную по линии ЮЗ–СВ, глубиной 0,75 м от дневной поверхности. На дне под юго-восточной стенкой располагалось два сосуда (горшковидный узкогорлый и баночный широкогорлый) (Вадецкая, Поселянин, 2015, с. 137, рис. 77.-4). Изделие состоит из плоской овальной лопасти, круглого в сечении черенка без объемного навершия с прямым окончанием. Общие размеры: 7,2×3,7 см; размеры лопасти 3×3,7 см; диаметр сечения ручки 0,5×0,45 см (рис. 2.-3) (Вадецкая, Поселянин, 2015, с. 109, рис. 49.-3).

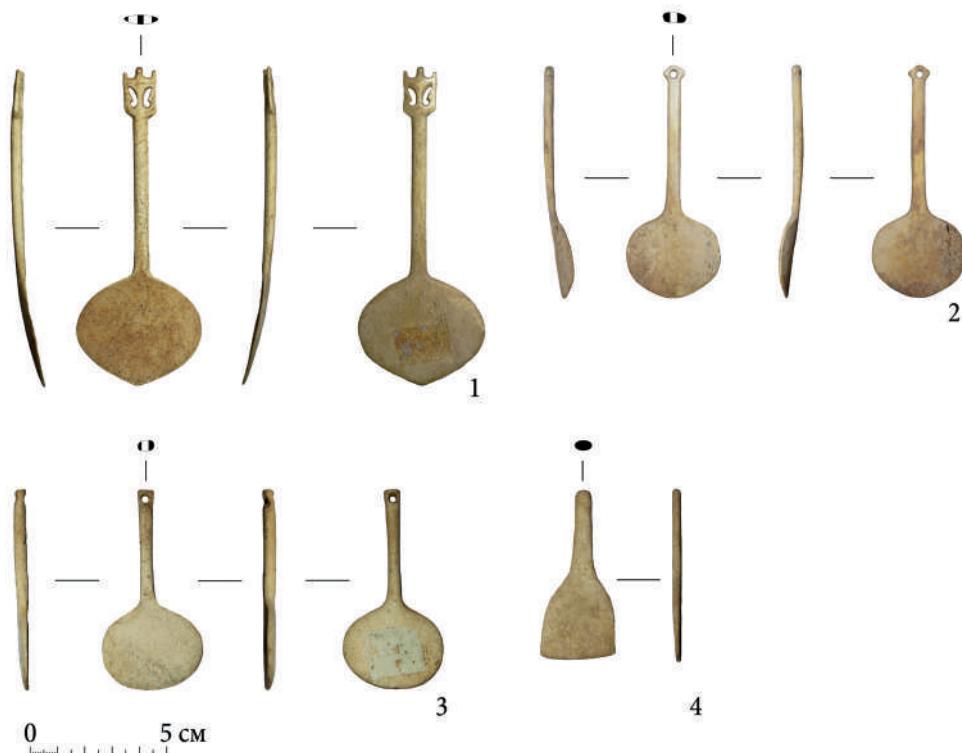

Рис. 2. Роговые ложечки и лопаточка из таштыкского погребально-поминального комплекса Белый Яр-3
 Fig. 2. Horn spoons and a spatula from the 'Bely Yar-3' funerary site

Лопаточка (помин №86). Данная лопаточка была обнаружена в помине №86. Он представлял собой яму прямоугольной формы ($1 \times 1,3$ м), ориентированную по линии ЮЗ–СВ, на дне (под юго-восточной стенкой) которой располагалось два баночных широкогорлых сосуда (Вадецкая, Поселянин, 2015, с. 128, рис. 68.-3). Лопасть изделия имеет трапециевидную форму, плавно переходящую в черенок. Общие размеры: $6,2 \times 2,8$ см, размеры лопасти $3 \times 2,8$ см; толщина ручки $0,7 \times 0,3$ см (рис. 2.-4) (Вадецкая, Поселянин, 2015, с. 109, рис. 49.-4). Сохранность всех перечисленных изделий различная: поверхность отдельных предметов густо покрыта мелкими кавернами.

В своем исследовании авторы опирались на методические положения по изучению косторезного дела Южной Сибири эпохи палеометалла, разработанные А.П. Бородовским (1997, 2012). При анализе материалов применялись бинокуляр Altami и цифровая камера с макрообъективом Canon EF-S 60 mm f/2.8 Micro (в диапазоне 10–50 крат).

Результаты исследования

Для ложечки с навершием в виде трезубца с двумя декоративно вырезанными проемами из помина №23 заготовкой, по всей видимости, послужила одинарная пластина из участка лопаты лосиного рога (?). На готовом изделии прослеживается губчатое вещество на задней стороне черпательной части, которое ориентировано с изгибом в различные стороны

(рис. 3.-1), из этого следует, что одинарная пластина была вырезана из разветвления. Это совпадает с наблюдениями А.П. Бородовского, который на косторезном материале Усть-Полуя показал, что для заготовок лопаточек выступала часть разветвления кроны рогов (Бородовский, 2012, с. 32). В орнаментике навершия ручки в качестве резчика и провёртки использовался нож, который также был задействован и как скобель. Следы от его грубого скобления фиксируются на рукоятке ложечки (рис. 3.-2). По торцам изделия фиксируются следы работы ножом. Можно предположить следующую последовательность процесса: первоначально производилась обработка поверхности ножом, затем дорабатывалась скобелем. На лопасти ложечки видны следы работы мелким абразивом, которые распределились в линейной последовательности. Причем на внешней стороне изделия инструмент применялся менее интенсивно, по сравнению с внутренней стороной (рис. 3.-3). Наряду с применением абразива по периметру всего изделия наблюдаются следы полировки органическим материалом (кожа?). Полировка поверхности была важна, потому что заполнялись поры на поверхности, и это защищало от чрезмерного высыхания компакты. Сберегая влагу, плотное вещество также сохраняет прочность и эластичность рогового сырья. В противном случае изделия из сухой кости становятся ломкими и хрупкими.

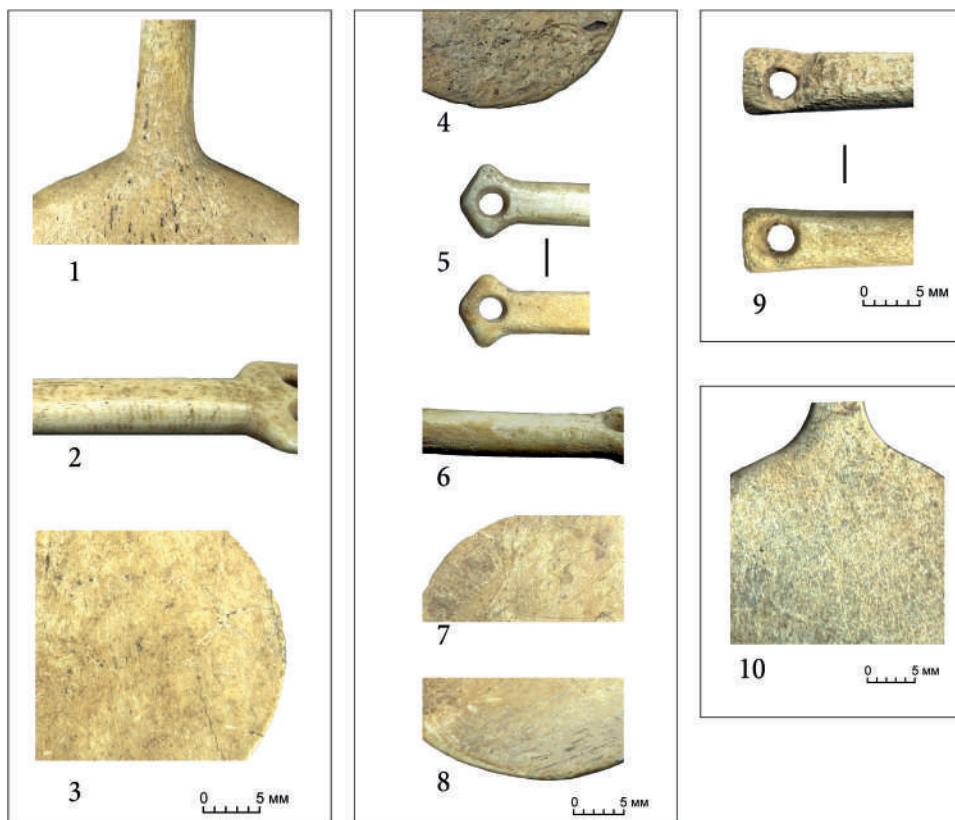

Рис. 3. Роговые ложечки из таштыкского погребально-поминального комплекса Белый Яр-3
 Fig. 3. Horn spoons from the 'Bely Yar-3' funerary site

Для ложечки с навершием в виде ромба со сквозным отверстием из помина №95 заготовкой, по всей видимости, также послужила одинарная пластина из плоского участка лопаты лосиного рога (?). На готовом изделии на задней стороне лопасти прослеживается губчатое вещество (рис. 3.-4). Сверление отверстия выполнено провёрткой, проводилось с двух сторон, но линейных следов внутри не наблюдается, развалицовки нет (рис. 3.-5). На рукояти, как и на ложечке с навершием в виде трезубца, отмечены следы скобления ножом (рис. 3.-6). На лопасти изделия видны следы работы мелким абразивом. Направление следов от абразива хаотичное (рис. 3.-7). По периметру использовался сначала скобель, потом абразив, затем изделие дорабатывалось органическим материалом (кожа?) (рис. 3.-8).

Для ложечки без навершия со сквозным отверстием на конце ручки из помина №113 заготовкой, по всей видимости, послужила одинарная пластина из рога (лось, олень). Какая именно часть рога была взята, сказать сложно, так как ниrudиментов, ни губчатого вещества на поверхности не прослеживается. Сверление отверстия осуществлялось с двух сторон, наблюдаются следы провёртки (видимо, ножом). При его извлечении, видимо, было совершено откалывание части изделия (рис. 3.-9). На лопасти ложечки фиксируются следы работы мелкого абразива (на внешней стороне их интенсивность меньше, чем на внутренней). Их направление хаотичное (рис. 3.-10). По периметру использовался сначала скобель, потом абразив, затем изделие дорабатывалось органическим материалом (кожа?).

Для лопаточки из помина №86 заготовкой, по всей видимости, послужила одинарная пластина из рога. Какая именно часть рога была взята, сказать сложно. К сожалению, следы на изделии не прослеживаются, так как поверхность разрушена.

В обработке было задействовано несколько инструментов: нож, сверло, абразив, кожа (?). Анализ предметов позволил восстановить следующую последовательность технологических операций при извлечении ложечек: придание общего контура заготовкам с помощью ножа и, вероятно, грубого абразива; сверление сквозных отверстий (расширение и соединение предварительно просверленных каналов с помощью строгального ножа); окончательная шлифовка и полировка на завершающем этапе работы.

Обсуждение результатов

В памятниках таштыкской культуры сохранилась различная посуда из органики (в основном из дерева): различные бочонки, сосуды, плоские блюда и черпаки. Обращает на себя внимание техника резьбы по дереву — острым металлическим инструментом с соблюдением пропорций.

Морфологически близкие к исследуемым ложечкам изделия косторезного производства известны из числа случайных находок Минусинской котловины, хранящихся в музеях Абакана, Минусинска, Железногорска и Санкт-Петербурга (номера по госкатаログу: 15199777; 31898084; 31898140; 31898186; из Минусинского музея им. Мартынова (Инв. № МКМ А — 10027) и из Эрмитажа (Инв. №—1133/317)).

Близкой аналогией может выступать косторезный предмет из таштыкского склепа Уйбат-1 (Киселев, 1951, табл. XXXVIII.-11). Он представляет собой круглый диск с ручкой, плоский в сечении. Однако есть одно явное отличие: ручки данного изделия бо-

лее короткие, что можно трактовать как имитацию бронзового зеркала. В пользу этого могут указывать выполненные из дерева в такой же манере миниатюрные зеркала из скифских погребений Горного Алтая (могильник Уландрык-І, курганы №7, 11 (Кубарев, 1987, с.160, табл. XVI.-11; табл. XXIV). В.Д. Кубарев отнес их к изделиям, имитирующим бронзовые зеркала.

В то же время следует обратить внимание на костяное (?) изделие из таштыкского склепа 3 могильника Тепсей-ІІІ, которое по своим морфологическим особенностям сделано в форме ложечки (у которой сильно вытянутая, овальной формы плоская лопасть, короткая ручка (отломана?) и недалеко от места излома проделано отверстие для подвешивания) (Грязнов, 1979, с. 119, рис. 70.-6). Другое костяное (?) изделие из этого же могильника из детской грунтовой могилы-42, которое авторы раскопок отнесли к булавкам, также может являться рукоятью роговой ложечки с плоским художественно оформленным навершием (Грязнов, 1979, с. 127, рис. 75).

По своим конструктивным особенностям вызывает интерес лопаточка из могильника Ближние Елбаны-7, могила-85 (Грязнов, 1956, табл. LII.-1; Ширина, 2003, с. 193, табл. XXIX.-10). Следует согласиться с Ю.В. Шириным, что изначально изделие, видимо, представляло собой щетку, сделанную из двойной роговой пластины. Однако в результате разрушения от изделия сохранилась только одна сторона компакты рога (плотного вещества), которую впоследствии доработали в лопаточку (Ширина, 2003, с. 89-90).

Заключение

По своим конструктивно-морфологическим признакам исследуемые ложечки индивидуальны, небольшие по размерам, место для зачерпывания (лопасть) оставлено без углублений, скорее напоминающие лопатку, видимо, они предназначались для фасовки сыпучих веществ. При их изготовлении задействовано несколько инструментов: нож, сверло, абразив, кожа (?). Анализ предметов позволил восстановить следующую последовательность технологических операций: приданье общего контура заготовкам с помощью ножа и, вероятно, грубого абразива; сверление сквозных отверстий (расширение и соединение предварительно просверленных каналов с помощью металлического ножа); окончательная шлифовка и полировка на завершающем этапе работы. Последовательность технологических операций и набор орудий, использовавшийся при изготовлении данных ложечек из цельного рога, позволяет говорить о высоком уровне мастера в рамках в домашнего производства.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Бородовский А.П. Древнее косторезное дело юга Западной Сибири (вторая половина II тыс. до н.э. — первая половина II тыс. н.э.). Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1997. 224 с.

Бородовский А.П. Косторезные заготовки Усть-Полуя (по материалам исследований 2006–2011 гг.) // Археология Арктики. Екатеринбург : Деловая пресса, 2012. С. 30–35.

Вадецкая Э.Б. Поминальные камни таштыкских могильников // КСИА. Вып. 128. М. : Наука, 1971. С. 33–36.

Вадецкая Э.Б. Археологические памятники в степях Среднего Енисея. Л. : Наука, 1986. 180 с.

Вадецкая Э.Б., Поселянин А.И. Таштыкский погребально-поминальный комплекс Белый Яр 3. Абакан : Хакасское книжное издательство, 2015. 210 с.

Грязнов М.П. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1956. 228 с. (Материалы и исследования по археологии СССР. №48).

Грязнов М.П. Таштыкская культура // Комплекс археологических памятников у г. Тепсей на Енисее. Новосибирск : Наука, 1979. С. 89–146.

Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. М. : Изд-во Академии наук СССР, 1951. 644 с.

Кубарев В.Д. Курганы Уландрыка. Новосибирск : Наука, 1987. 304 с.

Кызласов Л.Р. Таштыкская эпоха в истории Хакасско-Минусинской котловины (I в. до н.э. — V в. н.э.). М. : МГУ, 1960. 198 с.

Митько О.А. Таштыкские погребения по обряду трупосожжения под каменными выкладками (по материалам раскопок могильника Маркелов Мыс-II) // Современные проблемы археологии России. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2006. Т. II. С. 166–168.

Митько О.А., Николаева Т.А. Особенности погребального обряда таштыкского населения (по данным антропологического анализа захоронений под каменными выкладками на могильнике Маркелов Мыс-II) // Вестник Томского государственного университета. Серия: История. 2016. №6 (44). С. 98–105.

Панкова С.В. О памятниках «камешковского» этапа таштыкской культуры // Курган: историко-культурные исследования и реконструкции. СПб. : СПбГУ, 1996. С. 41–43.

Поселянин А.И. Поминальный обряд таштыкской культуры // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История. Филология. 2009. Т. 8, вып. 3: Археология и этнография. С. 168–173.

Поселянин А.И. Таштыкский погребально-поминальный комплекс Быстрай-2 // Научное обозрение Саяно-Алтая. 2016. №1. С. 3–47.

Ширин Ю.В. Верхнее Приобье и предгорья Кузнецкого Алатау в начале I тыс. н.э. (погребальные памятники фоминской культуры). Новокузнецк : Кузнецкая крепость, 2003. 288 с.

REFERENCES

- Borodovsky A.P. Ancient Bone Carving in the South of Western Siberia (2nd half II BC — 1st half of II AD). Novosibirsk : Izd-vo In-ta arheologii i etnografii SO RAN, 1997. 224 p. (In Russ.)
- Borodovsky A.P. Bone-cutting Blanks from Ust'-Poluy (based on research 2006–2011 gg.). In: Arkheologiya Arktiki. Yekaterinburg : Delovaya pressa, 2012. Pp. 30–35. (In Russ.)
- Vadetskaya E.B. Memorial Stones of Tashtyk Burial Grounds. In: Brief Communications of the Institute of Archaeology. Issue 128. Moscow : Nauka, 1971. Pp. 33–36. (In Russ.)
- Vadetskaya E.B. Archaeological Sites in the Steppes of the Middle Yenisei. Leningrad : Nauka, 1986. 180 p. (In Russ.)
- Vadetskaya E.B., Poselyanin A.I. Tashtyk Burial and Funerary Complex Bely Yar 3. Abakan : Hakasskoe knizhnoe izdatel'stvo, 2015. 210 p. (In Russ.)

Gryaznov M.P. History of the Ancient tribes of the Upper Ob based on the Excavations near the Village of Bolshaya Rechka. Moscow; Leningrad : Izd-vo AN SSSR, 1956. 228 p. (Materials and Studies on the Archaeology of the USSR. No. 48). (In Russ.)

Gryaznov M.P. Tashtyk Culture. Complex of Archaeological Sites near the City of Tepsei on the Yenisei. Novosibirsk : Nauka, 1979. Pp. 89–146. (In Russ.)

Kiselev S.V. Ancient History of Southern Siberia. Moscow : Izd-vo Akademii nauk SSSR, 1951. 644 p. (In Russ.)

Kubarev V.D. Mounds of Ulandryk. Novosibirsk : Nauka, 1987. 304 p. (In Russ.)

Kyzlasov L.R. The Tashtyk Era in the History of the Khakass-Minusinsk basin (the 1st century BC — 5th century AD). Moscow : MGU, 1960. 198 p. (In Russ.)

Mitko O.A. Tashtyk Burials according to the Rite of Cremation under Stone Layings (based on the excavations of the Markelov Mys-II burial ground). In: The Modern Problems of Archaeology in Russia. Novosibirsk : Izd-vo In-ta arheologii i etnografii SO RAN, 2006. Vol. II. P. 166–168. (In Russ.)

Mitko O.A., Nikolaeva T.A. Peculiarities of the Burial Rite of the Tashtyk Population (According to the Anthropological Analysis of Burials Under Stonework at the Markelov Cape-II Burial Ground). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istorija = Bulletin of Tomsk State University. Series: History.* 2016;6(44):98–105. (In Russ.)

Pankova S.V. On the Sites of the «Kameshkovsky» Stage of the Tashtyk Culture. In: Kurgan: Historical and Cultural Research and reconstruction. St. Petersburg : SPbGU, 1996. Pp. 41–43. (In Russ.)

Poselyanin A.I. Funeral Rite of the Tashtyk Culture. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istorija. Filologiya = Bulletin of Novosibirsk State University. Series: History. Philology.* 2009;8(3: Archaeology and Ethnography):168–173. (In Russ.)

Poselyanin A.I. Tashtyk Funerary and Memorial Complex Bystraya-2. *Nauchnoe obozrenie Sayano-Altaya = Scientific Review of Sayano-Altai.* 2016;1:3–47. (In Russ.)

Shirin Yu.V. The Upper Ob Region and the Foothills of the Kuznetsk Alatau at the Beginning of the 1st Millennium AD (funeral site of the Fominsk culture). Novokuznetsk : Izd-vo “Kuzneckaya krepost”, 2003. 288 p. (In Russ.)

ВКЛАД АВТОРОВ / CONTRIBUTION OF THE AUTHORS

Половников И.С.: идея, обработка материала, научное редактирование.

I.S. Polovnikov: idea, material processing, scientific editing.

Поселянин А.И.: полевое изучение таштыкского погребально-поминального комплекса Белый-Яр-3, научное редактирование.

A.I. Poselyanin: field study of the ‘Bely-Yar-3’ archaeological site.

Конфликт интересов отсутствует / There is no conflict of interest.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTORS

Половников Иван Сергеевич, младший научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Россия.

Ivan S. Polovnikov, Junior Researcher, Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the RAS, Novosibirsk, Russia.

Поселянин Александр Иванович, кандидат исторических наук, научный сотрудник Хакасского государственного университета, Абакан, Россия.

Alexander I. Poselyanin, Candidate of Historical Sciences, Researcher of Khakass State University, Abakan, Russia.

*Статья поступила в редакцию 06.12.2024;
одобрена после рецензирования 12.02.2025;
принята к публикации 18.02.2025.*

*The article was submitted 06.12.2024;
approved after reviewing 12.02.2025;
accepted for publication 18.02.2025.*